

Босенко Алексей Валериевич,
кандидат философских наук, старший научный сотрудник
зав отделом эстетики и культурологи ИПСИ АИУ
hero@ipnet.kiev.ua

Необходимо ли теоретическое мышление современному искусству?

Нет. В теории нужда есть, а в мышлении – нет. О принципиальной безмозглости и унылости современного искусства написано море литературы. И о смерти искусства тоже. В сущности, говорить – не о чем, и нечем. Язык выработан полностью. Искусство как было без понятия, так и осталось. Зато свое суждение имеет. Кантовское «суждение без понятия» изначально лишает искусство права на теорию. Хотя право как раз оно имеет и пользуется им. Благо, не взбороняется. Есть даже некий ригоризм чувства долга – теория быть должна и должна искусству, а лучше не мелочиться – сразу эстетика (и тоже должна). Слово расхожее. Пока проходишь квартал до института от метро, раза четыре встречается: «Эстетика парикмахерского дела», (кстати, аналогичный спецкурс в Институте культуры читается), «Эстетика вашей улыбки», «Эстетическая стоматология». И прочий мусор. Все остальные эстетики ничуть не лучше, достаточно почитать программу анонсированного всеукраинского конгресса по эстетике в Полтаве в 2017 году. Как ни печально – это филигранно, точно, «по истине» отражает маразматичность разложения действительности. Эта метафизическая вонь проникает всюду и является фирменной «ознакою» современности. Я не ратую за стерильность – просто констатирую, не радуюсь бедственному положению современной убогой мысли, которую и мыслью то назвать трудно, но смеюсь, потому что к своему удивлению способен еще реагировать на то, что и замечать-то неприлично. Не пытаюсь бороться за чистоту, честь и достоинство некой неприкасаемой эстетики – толку с того, если я укажу границы и пределы и не позволю святотатствовать – «руки прочь от святыни!». Профанность – это вынос святых даров за пределы храма. Которого нет и не было, как и самих святых даров. И

принципиальной разницы – и тем более противоречия между классической эстетикой и взыскуемой современной – нет (странно, что я это говорю, в свое время сам покушавшийся на академизм эстетики «формы форм» и уповавший на динамическую эстетику становления). То, что форма не метафизична и представляет собой отношение, процесс и развитие, я знал из классики и прежде. Но в увлеченности событием превращения, замороженный становлением, отказывался понимать, что это единый процесс и потому форма форм – такое же становление становления, вернее, не иное ему.

Теория, с одной стороны, является вывеской, выполняя своего рода роль компенсаторного механизма, возвратного, ставящего искусство на место, а с другой (хотя, почему с другой?) – является прямой идеологией, навязывая искусству инструкции насчет того, каким ему надлежит быть. Но никогда искусство не следовало предписаниям и указаниям теорий, манифестов, даже если выполняло прямой политический заказ. Лучшая анти-пропаганда – сама пропаганда, контр-усилие сопротивления навязанной форме. Действие равно противодействию, которое может быть и вослед, а не супротив.

Кант в некоторых своих работах помимо «Примечаний». «Дополнений», встречающихся в истории философии так же часто, как и комментарии, вводит фантастические подразделы с примечательным названием «Казуистические вопросы». Гениально то, что он осмеливается (часто наивно) ставить вопросы, которые не имеют решения, своего рода микроантиномии (микроанатомии). Во многом они вызваны столкновениями с пределами формальной логики и метафизическим пониманием внутреннего и внешнего, иногда противоречием (формальным) ставшего и становящегося. В данном случае интерес вызывает не логическая ошибка, а решение правильно поставленного вопроса негодными методами, не просто противоречивыми, а иной природы, и, напротив, сознательная ошибка, заложенная в постановке вопроса, но приводящая к верным решениям. И тем, и другим не имеет смысла заниматься, поскольку это промежуточные формы, которые, как и возвратные, составляют суть времени, они временят, смысл их в исчезновении, преходящести, но

остановленные они завораживают, являются истоком мифа. И если догматизированы, то составляют своего рода катехизис, являясь предметом веры, не более.

Так суеверием является убеждение в необходимости эстетической теории, не говоря уже о теории искусства. И потому, что в этом *случае* необходимость навязывается свободе внешней формой и потому, что свобода не нуждается в доказательстве причинно-следственными связями. Она не нуждается в теории, несмотря на то, что свобода мнимая в искусстве. Точно так же неприемлемы здесь и любые телеологические построения.

Это не значит, что теория невозможна – значит только, что не *нужна*. И любая теория, как и любая рефлексия во всевозможных формах есть дело эстетического. Она не случайна, но произвольна.

Так художник, который «точка приложения творческих сил эпохи», и есть тысячи причин и мотивов, почему он нечто создал именно в таком *образе таким образом*, вплоть до того, что должна была образоваться солнечная система, и в результате эволюции человечество, а потом именно эта эпоха должна наступить и так в регрессе причин вплоть до возникновения замысла, его настроения в данный момент времени и того, что он съел на завтрак и как много выпил или наоборот долго постился, произведение не начинается с художника, оно действует так, будто в первый день творения. Оно и есть в начале творения, и художник действует, как будто из ничего, без оснований. Все и умения и обстоятельства, и причины сняты в отрицании отрицания, и отдалено, на целый переход, превращение. Да, конечно причина – она же следствие, ее свое-другое, но переход между ними бесконечен. От «вдруг» до «начала» и основания - бесконечность, правда живая.

Есть такая болезнь, когда человек не может решиться на какое-нибудь действие, впадая в логический ступор. Так вот, переход мгновенен, даже если длится бесконечно долго, он собственно не длится, но вот эта бесконечность между тишиной и молчанием, между суммой и единством составляет существо неповторимости, невозвращения никогда.

Я не буду переписывать и комментировать опус Канта «О поговорке «может быть, это и верно в теории, но не годится для практики», хотя бы потому, что в 1873 году понимание и теории, и практики было весьма наивным. «Теорией называют совокупность правил, даже практических, когда эти правила мыслятся как принципы в некоторой всеобщности, и притом отвлеченно от множества условий, которые, однако, необходимо имеют влияния на их применение. Наоборот, *практикой* называется не всякое действие, а лишь такое осуществление цели, которое мыслится как следование определенным, представленным в общем виде принципам деятельности.» (Кант И. Указанное соч. Соч. в 6-ти т. Т. 4, част 2, М 1965 г. Стр. 61) Не с целью «исправления» того, что в те времена было достаточно, чтобы доказать, что между теорией и практикой необходимо еще какое-то «посредствующее звено», некий переход. Современная теория вообще не практична и априори (извините за каламбур) не имеет опыта, который весь в дальнейшем и никогда не следует теории. Оставаясь в искусстве, по крайней мере, бывает всегда частным случаем сугубо объективированным субъективным.

Может случайно случаться, но теория будет спекулятивной теорией самое себя, самообосновываясь в никуда. Искусство не является ее предметом и не нуждается ни в обосновании, ни в доказательстве. Искусство – очевидно. Оно целиком и полностью, во всех возможных и невозможных проявлениях лежит в области явления. Оно феноменологично. Я есмь. И очевидно. Поэтому при всей истинности выкладок Т. Адорно в той же «Эстетической теории», что, дескать, разрушение формы, ее распад и абстрагирование в искусстве, весь кризис искусства – результат действия дальнейшего разделения труда и прочее, при всей истинности является ошибкой, сознательно заложенной в основание. Потому что, во-первых, основание может быть только покинутым. Во-вторых – на чем бы не основывалось искусство и само произведение – основания могут быть самые разные,- на само деле его основание в нем самом, а любая причина и следствие остаются по ту сторону пропасти, где искусство объяснимо. Оно принципиально – причина самое себя и основание, и сущность всегда здесь

сейчас, не предстоит и не потомствует, хотя ради вящего эффекта может быть «прежде» и потом», используя оттенки времени для защитного окраса, мимикрируя.

Произведение искусства может любоваться в ложном самосознании рефлексии боковым зрением собой, как если бы зеркало пыталась разглядеть себя в действительности как в зеркале, но взгляд это иллюзорный и магический. Иными словами искусство упрямо видит (и справедливо) в действительности свое отражение. И это истинное зрение, а не то, которое действительно видит в искусстве – отражение реальных отношений. Истина искусства в нем самом. Оно настолько ревниво к этому относится, что избавляется даже от человека. «Дескать, куда по мытому!!». Не стерильность, но некая принципиальная чистоплотность, загрязняемая извне. Речь идет об искусстве. А не о тех суррогатах, фальсификатах, которые сейчас выдаются от имени его. Поэтому любая теория – будет всегда внешне приложима к искусству, как сочиненная внешняя необходимость. «На кой ляд это ему» - не вопрос – «на кой взгляд?» вернее. Да просто от полноты бытия. Искусство бывает по нужде, и тогда в своей тщедушности, просто душности, в тщете хилости и анемичности оно нуждается в подобии теории и бывает, и вот это то, что является истинным бытием в полноте бытия, где сбывается через край. Это плерома, избыток, где искусство больше, чем бытие и больше себя самого. Оно уже не искусство, а не еще не искусство, потому что превосходит возможность и действительность бытия. Некая неиссякаемость, когда одно и тоже каждый раз иное. И тут вопрос об извечном невозвращении, неповторимости во всей полноте. Когда то же превосходит себя, а не мультиплицирует.

Когда-то Миллер, да тот самый, говорил о том, что суть не только в творении или в действии – это не главное – что соль бытия в обыкновенной скуке. Это счастье, когда можно кристаллизироваться в скуку, и пребывать там, упиваясь времяпрепровождением.

Искусство тщательно оберегает свою, замызганную прагматизмом, чистоту, которая стоит дороже, теперь уже от посягательств даже элементарной

рефлексии. От продуктивной способности воображения она с облегчением избавилась давно, как и от чувств – довольствуясь ощущением по сходной цене. А за одно - от себя. Искусство теперь всегда – другое. Оно – не в себе.

Собственно, оно бы давно себя переименовало, но воображения, ввиду его отсутствия не хватает, да и тренды-бренды нынче в цене.

Это всеобщее явление. Ввиду отсутствия сущности являться нечему. Даже философия теперь в качестве суфлера не годится – предпочитает «лабать» под фонограмму, сама став ряженым «симулякром». Дух приказал долго жить. Скука и запустение при общей унылой суете. Свалка промышленных отходов отработанного временем времени. Но от того, что вы вынужденно торгуете семечками на базаре, это обстоятельство не означает, что вселенной не существует.

При этом ни одиночества, ни тишины, ни молчания. Все тщательно пытаются заговорить пустоту, загатить ее всем, чем только можно. Но тщетно – она только разрастается. И это не Ничто, которое предстает накануне, как бесконечная возможность, как предстоящее, предвосхищенное пространство развития. Современные, так называемые, «искусствы» и «философии» состариваются еще до рождения, и маразм – их идеология.

Они не виноваты – сами лишь следствие общественных отношений, где форма общественного богатства – стоимость и ее производные. Ложные основания имитируют жизнь, но это жизнь смерти.

Гниение неизбежно, и в своей формальной синтетической воспроизводимости – «вечно», если смену оснований не сделать самим основанием. До той поры ни о какой теории, современной эстетике, об элементарном мышлении речи быть не может. Язык разлагается и вырождается. То, что называлось философией, тупо регистрирует происходящее. Искусство гиперреалистически фиксирует замызганную натуру, выполняя роль таксидермиста на ставке. Все остальные – статисты на подтанцовке, и на бэквокале и искусствознание, и искусствоведение. Ирония и чувство юмора не спасают. В благопристойной теории, чтобы прикрыть срам,

нужды нет. Напротив, убожеством гордятся. Идиотизм происходящего – индальгенция на все оставшиеся времена. И единственный «вимір».

Summary. Decline and Fall.